

Однажды он провел на поле боя почти целый день, размахивая мечом и поражая врага за врагом; однако он не мог припомнить дня, когда бы он был так измотан, как в день своей свадьбы. Час был уже поздний, и он проделал слишком долгий путь, чтобы оказаться здесь в условленное время. Но он знал, что его обязанности еще не завершены.

Женись на женщине, а потом уложи ее в постель, - подшучивали над ним его люди перед отъездом, которые были на высоте после недавней битвы при Окскроссе. В то время он был в слишком приподнятом настроении, чтобы придавать этим словам какое-то значение. Но сейчас, когда он поднимался по лестнице в окружении пьяных мужчин и матери, эти слова были единственным, что приходило ему на ум.

Он никогда раньше не был с женщиной, и ему казалось, что уже один этот факт может оказать услугу его жене, которая нервничала больше, чем хотела признаться. Он видел это по ее движениям, жесткому голосу и явной суетливости. Не говоря уже о ее привязанности к кубку с вином.

Все это его очень успокаивало, несмотря на разочарование, которое он испытывал к ней по прибытии. Поначалу она была холодной и нервной, выглядела очень царственно в своем платье и с плотно сжатыми губами. В ее поведении было много от королевы. Но на пиру она была молодой женщиной, а он - юношей, и оба они не знали, чего от них ожидают. За это он был ей благодарен. Она не смотрела на него с презрением за то, во что их заставили ввязаться. Наоборот, ему показалось, что она была зеркальным отражением того, что он отчаянно пытался скрыть.

Просто нервничал.

Он всегда надеялся, что у него будет теплая жена, с доброй улыбкой и мягким прикосновением. И дело не в том, что Селена не была теплой. Как он мог винить ее за то, что она так относится к нему, незнакомцу? Он не мог ожидать от нее большего, чем уже получил. Он подумал о постели и о чувстве вины, которое он уже испытывал за то, что все это стало достоянием общественности.

Ему и его матери потребовалось немало уговоров, чтобы обеспечить уединение церемонии только для Робба и его жены. Никому из них не нужно было напоминать о том, что на их плечи легло такое бремя. Станнис поначалу возражал, желая получить доказательства того, что брак будет заключен, через свидетелей. Но Робб отказался.

Он стоял у двери, не обращая внимания на крики и волнение за своей спиной. Первым открыл Станнис, за ним последовала мать Робба, а затем и сам Робб. Дверь оставалась открытой лишь на мгновение, чтобы толпа за ней могла убедиться, что Робб и его невеста действительно присутствуют. Мейстер, который их венчал, закрыл дверь, и в комнате вдруг стало гораздо тише, чем несколько минут назад.

Были произнесены слова, традиционные слова, которые мало что значили для Робба, кроме церемонии. Они не должны были утешать. Просто и официально. Станнис и Кейтилин оба говорили, отвечая на вопрос, которого Робб не слышал. Он стоял, глядя на огонь и впитывая его тепло, как мог, пока не услышал клик закрывающейся за ним двери.

Он повернулся: комната, которую он когда-то занимал, теперь была пуста, кроме него и Селены. Впервые они были одни. Только тогда он позволил себе взглянуть на нее. Он с удивлением обнаружил, что она уже смотрит на него, и ее круглые голубые глаза встретились с его глазами с той же нервозностью, которую он видел внизу из-за ее кубка с вином.

Он не знал, чего ожидал, когда прибыл в брачные покои. Он чувствовал себя виноватым, оглядываясь по сторонам, не в силах надолго отвести от нее взгляд. Он не знал почему, но его возмущала обстановка и смущало, что этой женщине не дали лучшего. Он сам виноват, понял он. Он был слишком занят, слишком нетерпелив и слишком беспечен, чтобы думать о чем-то, кроме собственного недовольства всей этой ситуацией. Он не задумывался о том, чем это обернется для нее.

Ему хотелось сказать что-нибудь, хоть что-нибудь, что могло бы разрядить неловкость этой комнаты и того, что должно было произойти дальше. Но ничего не приходило на ум. Он был королем и в то же время чувствовал себя совсем ребенком. Трусость закрадывалась в его душу, когда он наблюдал, как она переносит вес с левой ноги на правую. Только тогда он обратил внимание на ее наряд - тонкое одеяние из шелка и кружев, которое почти не оставляло места для воображения. Ее ноги были голыми, а пальцы слегка подгибались на влажных половицах, и он понял, что ей, должно быть, холодно.

Он подошел к ней, взял ее руку в свою, несмотря на ее протестующий взгляд, и повел ее к меховому ковру и огню. Ему не нравилось, что ей холодно, что ее женское тело реагирует на прохладу в комнате со сквозняком, а он делает вид, что ничего не замечает. Действительно, он стоял рядом с женой и делал вид, что не замечает ни ее груди, ни того, как молочная плоть ее плеча, казалось, светилась в отблесках огня.

Только когда она прочистила горло, он понял, что все еще держит ее за руку, точнее, сжимает ее, и очень медленно позволил ей опуститься на бок. Она не любила, когда к ней прикасались, и он это прекрасно понимал. К несчастью для них обоих, до конца ночи будет еще много прикосновений.